

*Мусаева Заира Мугутдиновна,
магистрантка 2 курса, магистерская программа «Отечественная
история и историческое краеведение»
ФГБОУ «Дагестанский государственный университет»
Zaira Mugutdinovna Musaeva,
2-year Master's student, Master's program «Russian History and Historical
Local Studies2»
Federal State Budgetary Educational Institution «Dagestan State University»*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО
ФАКТОРОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ДАГЕСТАНА (1990-е -2020-е)**

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ взаимодействия этнического и религиозного факторов в общественно-политической жизни Республики Дагестан с 1990-х по 2020-е годы. Рассматривается трансформация роли этих факторов на разных этапах новейшей истории региона: от периода дезинтеграции СССР и становления новой российской государственности, через этап обострения конфликтного потенциала в 1990-е – начале 2000-х гг., до современного периода в условиях централизованной политики управления этноконфессиональным разнообразием. Особое внимание уделяется динамике соотношения традиционного ислама (суфизм) и салафитских течений, их влиянию на политические процессы, формирование идентичности и социальную стабильность. Автор приходит к выводу, что, несмотря на усилия по институционализации и контролю религиозной жизни, этническая и конфессиональная принадлежность остаются ключевыми элементами политического ландшафта Дагестана, а их

взаимодействие продолжает определять специфику и ко общественно-политического развития республики.

Ключевые слова: *Дагестан, этничность, религия, ислам, суфизм, салафизм, общественно-политическая жизнь, идентичность, Северный Кавказ, конфликтогенность.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of the interaction between ethnic and religious factors in the socio-political life of the Republic of Dagestan from the 1990s to the 2020s. It examines the transformation of the role of these factors at different stages of the region's recent history: from the period of the USSR's disintegration and the formation of the new Russian statehood, through the phase of heightened conflict potential in the 1990s – early 2000s, to the contemporary period under the conditions of a centralized policy for managing ethno-confessional diversity. Particular attention is paid to the dynamics of the relationship between traditional Islam (Sufism) and Salafī movements, and their impact on political processes, identity formation, and social stability. The author u their interaction continues to define the specifics and challenges of the republic's socio-political development.*

Keywords: *Dagestan, ethnicity, religion, Islam, Sufism, Salafism, socio-political life, identity, North Caucasus, conflict potential.*

Дагестан — это кипящий котел, где по крышкой советской идеологии бушевали десятки этнических и религиозных идентичностей.

Как менялась цена баланса между народом и верой в Дагестане за 30 лет?

С исчезновением СССР, в 90-е этому котлу суждено было взорваться.

Но он не взорвался, наоборот его содержимое стала выстраивать новые, интересные, и часто конфликтные нормы сосуществования.

Данная статья — это попытка разобраться, как два ключевых факторов — этническая принадлежность и религиозность на протяжении 30 лет определяли общественно-политическую жизнь республики.

Актуальность изучения взаимодействия этнического и религиозного факторов в общественно-политической жизни Дагестана обусловлена стратегической значимостью этого полиэтничного и поликонфессионального региона для обеспечения стабильности на Северном Кавказе.

В 1990 году Верховный Совет Дагестанской АССР представлял собой настоящую «вавилонскую» смесь национальностей и языков. На трибуне звучали десятки диалектов, а депутаты из землячеств прежде всего защищали интересы своих этнических групп, а не всей республики. Распад СССР не стал для Дагестана просто «парадом суверенитетов», а превратился в «парад этнических инициатив». На этом фоне возникла уникальная политическая модель — дагестанская этнократия, в которой этническая принадлежность стала главным фактором власти и влияния. В этой системе ключевыми игроками были представители различных народов, а сама структура власти помогла предотвратить гражданский конфликт, выступая единственным эффективным способом сохранить стабильность.

Почему старая система рухнула?

До 1991 формальным органом власти являлся Верховный Совет, но реальная власть находилась в руках Обкома КПСС, естественно данная структура являлась неким над этническим каркасом, который сдерживал центробежные силы. С крахом КПСС, этот каркас тоже исчез.

Не было ни легитимного лидера, ни общепринятых правил игры.

Этничность стала валютой. Но курс этой валюты для каждого народа был разным и определялся тремя факторами: численностью, компактностью расселения и историческими амбициями.

Падения единого советского центра привело к развитию различных исламских организаций и партий. Они преследовали единые цели: возврат от

государственного атеизма к исламу, возобновление прав мусульман, и объединение всех верующих в одно целое, на основе шариата.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного количества исследований, которые, однако, чаще всего анализируют этнический и религиозный факторы изолированно. Фундаментальный вклад в изучение этнополитических процессов внес

Э.Ф. Кисриев.

Работа Кисриева Э. Ф. «Дагестан: этнодемографические и этнополитические проблемы» является фундаментальным исследованием, которое предоставляет ключевой аналитический каркас для понимания специфики этнополитической ситуации в республике в постсоветский период. Центральным вкладом Кисриева в анализ дагестанской политики является концепция «системы национальностей» – уникальной формы консоционализма (власти элит, основанной на квотировании).

Бобровникова В.О. в своем исследовании «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие» (2002) проводит глубокий историко-антропологический анализ трансформации правовых систем в Дагестане, прослеживая сложное взаимодействие мусульманского права (шариата), местных обычаев (адата) и имперского/советского законодательства на протяжении XIX-XX веков. Особую ценность для нашего исследования представляет вывод Бобровникова о том, что в дагестанском обществе исторически сформировался уникальный правовой плюрализм, где ислам не противостоял традиционным нормам, а находился с ними в сложном симбиозе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе динамики взаимодействия этнического и религиозного факторов в Дагестане на протяжении 1990-х – 2020-х гг. Впервые выявляется не только влияние этнополитической системы на конфессиональную сферу, но и обратное воздействие религиозного фактора на трансформацию моделей власти. На

основе анализа трех десятилетий доказываем, что эскалация религиозного конфликта в 2000-е гг. стала катализатором перехода от этнократической модели к централизованной системе управления».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов органами государственной власти при разработке региональной политики.

1. Становление системы взаимодействия этнического и религиозного факторов в условиях кризиса государственности (1990-е – начало 2000-х гг.)

В развитии ислама в Дагестане выделяют несколько этапов, начиная с VII века и продолжающихся до наших дней. На первом этапе ислам распространялся территориально, охватывая новые области. Затем последовало углубление религиозных процессов, затрагивающих сознание и повседневную жизнь общества, где шариат и традиционные адатские нормы начали находить общие точки соприкосновения. С XVIII века влияние ислама значительно усилилось. В прошлом веке наблюдался спад религиозной культуры, однако на рубеже XX-XXI веков начался этап масштабной реисламизации, что выражается в массовом строительстве мечетей, открытии медресе и школ, а также в постепенном отказе от атеистической идеологии в пользу религиозных взглядов.

Распад СССР и дезинтеграция прежних идеологических скреп создали в Дагестане уникальную ситуацию, когда этническая и религиозная идентичности стали ключевыми ресурсами в процессе перераспределения власти и собственности. Этот период характеризуется формированием оригинальной модели управления, где этнический фактор получил институциональное закрепление, а религиозный – мощный импульс для возрождения, что предопределило их сложное и зачастую конфликтное взаимодействие.

Институционализация этнического фактора: феномен «системы национальностей»

В условиях вакуума власти после распада СССР в Дагестане сложилась уникальная политическая система, основанная на принципе этнического квотирования. Как точно отмечает Э.Ф. Кисриев, произошла «этнизация власти и собственности», когда доступ к ресурсам и политическое представительство стали определяться этнической принадлежностью [1, с. 45]. «Система национальностей», несмотря на отсутствие формального закрепления в конституции, функционировала как эффективный механизм предотвращения межэтнических конфликтов. Коллективный орган управления – Государственный Совет Республики Дагестан, формировавшийся по принципу представительства основных этнических групп, стал институциональным воплощением этой системы.

Однако, обеспечивая стабильность на макроуровне, данная модель порождала системные дисфункции. Во-первых, она консервировала этническую идентичность как главный политический ресурс, блокируя развитие гражданской солидарности. Во-вторых, способствовала росту клановости и коррупции, поскольку политики были ориентированы прежде всего на удовлетворение интересов своей группы. В-третьих, создавала структурные ограничения для экономического развития, закрепляя перераспределительный характер экономики.

Параллельно с становлением этнократической модели происходило интенсивное исламское возрождение. Если в советский период религиозные институты находились под жестким контролем государства, то в 1990-е годы началось массовое строительство мечетей, открытие исламских учебных заведений, развитие религиозной печати. Однако этот процесс с самого начала пошел по двум расходящимся направлениям.

С одной стороны, официальное духовенство в лице Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) и associated с ним суфийские

тарикаты оказались тесно интегрированы в складывающуюся этнополитическую систему. Как показывает В.О. Бобровников, традиционный для Дагестана ислам исторически существовал в симбиозе с местными правовыми нормами (адатом) и был укоренен в структурах сельских джамаатов [2, с. 178]. Таким образом, «традиционный» ислам стал фактически частью официальной этнополитической конструкции, воспроизводя в религиозной сфере логику этнического квотирования.

Формирование нового общественно-политического ландшафта Дагестана в 1990-е годы было неразрывно связано с феноменом массового возникновения общественных движений, которые стали ключевыми акторами в процессе перераспределения власти и конструирования новых идентичностей.

В начальной стадии формирования системы общественных объединений в республике наблюдалась тенденция придания этим организациям национальной направленности. В этот период возникло множество национальных движений такие как. Лезгинское движение «Садвал» (1992 г.) Основной стратегической задачей было воссоединение лезгин Дагестана и Северного Азербайджана с целью создания лезгинского государства в составе России. Кумыкское движение «Тенглик» (19 ноября 1989 г.)

Ставило целью сохранение и развитие кумыкского народа как нации, возрождение культуры, истории и языка, а также восстановление кумыкской государственности. Ногайское движение «Бирлик»

Выступало за укрепление и развитие ногайского этноса (дата основания не указана). Лакское движение «Казикумух»

Образовано с целью сохранения лакской культуры и этнической идентичности, и активизации сил лакского народа.

Общество «Табасаран» и аварское движение «Джамаат» и др.

Вышеперечисленные организации активно участвовали в национально-культурной жизни и защите интересов своих этносов.

Таким образом, в начале 1990-х годов происходил активный процесс формирования и развития национальных движений, играющих важную роль в сохранении и укреплении этнической идентичности народов Дагестана и прилегающих территорий.

Эти организации быстро начали активно защищать интересы своих этнических групп, включая политические, национальные и территориальные требования, часто вступая в противоречия между собой и игнорируя общие интересы республики Дагестан. Лидеры ряда из этих движений утверждали, что их действия не противоречат национальному согласию в республике. Однако, как правильно отмечает профессор М. Г. Алиев, когда группа народов добивается своих целей за счёт ущемления прав и благополучия других, это не является истинным национальным согласием, а представляет собой эгоизм в его национальном проявлении. К сожалению, в тот период мало кто из лидеров национальных движений стремился понять и признать эту важную мысль.

С другой стороны, появившийся в этот период салафизм (часто обозначаемый как «ваххабизм») предложил принципиально иную модель – надэтнической религиозной идентичности, основанной на «очищении» ислама от местных культурных наслоений. Как отмечает А.А. Ярлыкапов, салафизм привлек прежде всего маргинализованную городскую молодежь, разочарованную в коррумпированных этнократических элитах и искавшую альтернативные пути социальной мобильности [3, с. 135-136].

Взаимодействие двух факторов в 1990-е годы можно охарактеризовать как напряженное сосуществование с элементами скрытого конфликта. Этнополитическая элита, опиравшаяся на «систему национальностей», воспринимала салафизм как прямую угрозу своему доминированию,

поскольку он предлагал альтернативный, не связанный с этничностью принцип социальной организации.

Это противоречие проявилось уже в первых серьезных конфликтах. Так, события в Кадарской зоне (1997-1999 гг.) продемонстрировали, что салафизм может стать основой для создания параллельных властных структур, неконтролируемых официальными этнополитическими элитами. При этом, как справедливо замечает Кисриев, противостояние «традиционного» и «нетрадиционного» ислама было во многом формой борьбы за перераспределение влияния в условиях становления новой властной структуры [1, с. 215].

К концу 1990-х годов сложилась парадоксальная ситуация: формально доминирующий этнический фактор, институционализированный в «системе национальностей», все чаще оказывался в положении обороняющегося перед набирающим силу религиозным фактором в его салафитской версии. Вторжение боевиков в Дагестан в 1999 году и начало контртеррористической операции лишь закрепили и легитимизировали этот раскол, создав предпосылки для перехода к новой фазе взаимодействия.

Таким образом, в 1990-е – начале 2000-х гг. в Дагестане сформировалась уникальная конфигурация взаимодействия этнического и религиозного факторов, где официальная этнополитическая система находилась в сложных, преимущественно конфликтных отношениях с альтернативным религиозным проектом, предлагавшим надэтническую модель идентичности. Эта система, обеспечившая относительную стабильность в первый постсоветский период, к началу 2000-х годов исчерпала свой стабилизирующий потенциал и вступила в полосу системного кризиса.

Взаимодействие этнического и религиозного факторов в общественно-политической жизни Дагестана (1990-е – 2020-е гг.)

Параллельно происходило интенсивное исламское возрождение. По данным ДУМД, если в 1985 году в Дагестане действовало 27 мечетей, то к

1996 году их число превысило 2000 [8, с. 67]. Но многие имамы не согласны с тем, что идет процесс «возрождения» по-другому «реисломизация». Идеологи и мусульманские богословы считают, что ислам никогда не умирал, тем самым некорректно говорить о возрождении,

С одной стороны, официальное духовенство (ДУМД) и суфийские тарикаты оказались интегрированы в этнополитическую систему. Как показывает В.О. Бобровников, традиционный ислам существовал в симбиозе с местными правовыми нормами и был укоренен в структурах сельских джамаатов [2, с. 178].

С другой стороны, салафизм предложил принципиально иную модель - надэтнической религиозной идентичности. Как отмечает А.А. Ярлыкапов, к концу 1990-х годов в республике насчитывалось около 5 тысяч активных сторонников салафизма, в основном представителей молодежи [3, с. 138]. Исследователь К.М. Ханбабаев подчеркивает, что «именно маргинализация части молодежи в условиях социально-экономического кризиса стала питательной средой для распространения салафитских идей» [6, с. 45].

Заметное противостояние традиционализма и фундаментализма в Дагестане обнаруживает себя на фоне все еще частично сохранившейся идеологической конкуренции на уровне нации.

В условиях роста фундаментализма обостряется кризис социокультурной идентичности среди традиционалистов Дагестана, особенно среди сельских общин. Возникают так называемые неосалафиты — фундаменталисты, выступающие против традиционного ислама и тарикатов. По мнению А. Малашенко, современный Северный Кавказ можно сравнить с моделью СССР, где существовало официальное духовенство и тарикатские шейхи, а также духовная оппозиция — нелегальные имамы и салафиты, представляющие собой исламских диссидентов. В этом контексте Дагестан рассматривается как отражение общей ситуации на Северном Кавказе [Малашенко, 2001: 183].

В современных условиях возникла сложная и противоречивая ситуация, связанная с утверждением ислама в российском обществе, особенно в регионах с полиэтничным составом. Одной из ключевых проблем стало то, что всё больше молодых людей начинает ориентироваться на радикальное салафитское религиозное мировоззрение, что отражает глубокие социальные и культурные трансформации.

Основная сложность заключается в том, что традиционные связи и устои, которые ранее служили основой единства и сплочённости религиозной и этнической общности, сегодня нельзя считать стабильными или жёстко закреплёнными. Эти устои ослабляются под воздействием современных вызовов, таких как глобализация, урбанизация, миграционные процессы и изменения в семейных и общинных отношениях. В результате часть молодежи ищет альтернативные формы самоидентификации и духовного ориентирования, среди которых радикальные взгляды салафизма приобретают значительную популярность.

При этом ислам как религиозный и культурный феномен сохраняет и даже усиливает своё значение для объединения многонационального общества. Однако этот процесс не лишён значительных трудностей: столкновение традиционных и новых религиозных течений создаёт внутренние противоречия и напряжённость в обществе. Популярность радикального салафизма среди молодежи часто воспринимается как угроза стабильности и межэтническому согласию.

А. Малашенко разделяет подобную точку зрения и отмечает, что с ростом конфликтности радикализация исламской идеологии оказывает дестабилизирующее влияние, находясь близко к проявлениям этнического сепаратизма [Малашенко, 2001: 78]. В то же время М.М. Керимов считает, что усиление объединяющей роли ислама является неизбежным и необходимым этапом в развитии мусульманского общества, который не оказывает негативного воздействия на этнические процессы в Дагестане

[Керимов, 2011: 34]. По его мнению, между этническими группами Северного Кавказа не должно существовать формальных различий в восприятии ислама, поскольку все они, в сущности, рассматривают окружающую действительность через призму ключевых принципов исламской веры [Керимов, 2001: 37].

Начало 2000-х годов ознаменовалось кризисом этнократической модели управления. По данным социологических исследований, проведенных под руководством Г.Г. Гасановой, уровень доверия к республиканским органам власти упал с 67% в 1999 году до 23% в 2003 году [5, с. 112]. Как отмечает Э.Ф. Кисриев, система, основанная на этническом квотировании, стала генератором системных проблем

В 2000-е годы произошла радикализация части салафитского движения. Согласно данным правоохранительных органов, в 2005-2009 годах в республике было зарегистрировано 342 террористических акта [9]. Исследователь А.М. Малащенко отмечает, что «именно в этот период происходит окончательное оформление вооруженного подполья и его идеологическое оформление в рамках джихадистского дискурса» [10, с. 78].

В четверг, 16 сентября 2004 года, РИА «Новости» опубликовало весьма смелое заявление представителя МВД республики Дагестан. Этот сотрудник правоохранительных органов сообщил, что в Дагестане действует группа диверсантов, что деятельность их носит террористический характер и направлена, в частности, против дагестанских милиционеров. Он добавил также, что в состав группы входят уроженцы Дагестана, ранее принимавшие участие в военных действиях в Чечне, естественно - на стороне сепаратистов.

Дагестане в 2000-е годы не просто диверсионная группа, а целый диверсионный батальон. Крупный теракт унесший жизни 45 человек, произошел 9 мая 2002 года во время парада в честь Дня Победы в Каспийске, Пик похищений людей также пришелся в 2004-2005 годы. 17 сентября 2004 г. злоумышленники расстреляли машину депутата Народного собрания

Республики Дагестан Роберта Алиева (огонь по ней был открыт из проезжавшей мимо автомашины ВАЗ-2106). Другие (или те же самые) экстремисты припарковали автомобиль со взрывчаткой неподалеку от девятиэтажного жилого дома в Махачкале (по счастливому стечению обстоятельств, автомобиль успели обнаружить и обезвредить). 9 августа в Дагестане был убит прокурор города Буйнакса Битар Битаров. Утром на пути следования автомобиля прокурора на обочине дороги взорвалась припаркованная машина. После подрыва боевики начали обстреливать автомобили, однако охране прокурора удалось отбить атаку. В тяжелом состоянии он был доставлен в больницу, но спасти его не удалось.

С января по июль 2005 года подрывы и обстрелы не только не прекращались, но и усиливались.

Ужесточились к тому времени теракты против сотрудников МВД.

2 февраля 2005 года возле Русского драматического театра произошло нападение на кортеж генерала Омарова. Две машины перекрыли дорогу и открыли огонь на поражение, в результате чего погибли сам Омаров и двое его охранников. Операция «Муслим» проходила с 2004-2006, главной целью данной операции было полное уничтожение боевиков и прекращение терактов внутри Республики Дагестан,

Первый Президент РД возглавлял рабочую группу Госсовета РФ по вопросам противодействия религиозно-политическому экстремизму. Рабочая группа обобщила научные исследования и практику противодействия религиозно-политическому экстремизму в стране и регионах, на Северном Кавказе, определила новые подходы к противостоянию этой угрозе. Их реализация позволила в Дагестане уже в 2006 году сократить в два раза число терактов, на 40 % стало меньше и количества посягательств на сотрудников правоохранительных органов. А самое главное, терроризм и экстремизм были дискредитированы в глазах общества, населению стала понятна их подлинная суть.

Чуть более месяца спустя после вступления в должность в первом Послании Народному Собранию Муху Алиев предложил новый курс развития республики. Его задача заключалась в сохранении всех позитивных достижений предыдущих десятилетий, в первую очередь единства и целостности Дагестана как субъекта Российской Федерации, политической идентичности народов республики, их общей истории и менталитета. Вместе с тем курс был направлен на решительную борьбу с формированием кланово-корпоративных группировок и коррупцией в органах власти. Поэтому основными приоритетами, помимо противодействия религиозно-политическому экстремизму, стали политическая модернизация и наведение порядка во власти. Главной преградой к развитию республики он считал именно систему власти, которая была ключевой проблемой.

Муху Алиев также понимал, что власть в Дагестане опирается не только на законы, но и на глубокое уважение к народным традициям и обычаям. Выросший в крестьянской многодетной семье на традициях своего народа, он работал скромно, без показной помпы, проявляя достоинство и уважение к людям. Его жизненный принцип – жить по совести – составлял основу его авторитета и доверия со стороны народа, а также неотъемлемую часть истории республики. Известны его строгий подход и неподкупность в борьбе с несправедливостью и беззаконием. Личность Муху Алиева служит примером для новых поколений, ответственных за судьбу народа и страны.

Как представитель аварского народа, он уважал принцип ротации власти между этническими группами, отказавшись от борьбы за пост председателя Верховного Совета в пользу даргинца. Такая готовность жертвовать личными амбициями ради общего блага способствовала укреплению межэтнического доверия. Он минимизировал коррупционные риски, поддерживая профессионалов и умело предвидя события, что неоднократно подтверждалось.

Важным вкладом Муху Алиева стало укрепление безопасности республики, особенно в кризисные моменты, такие как вторжение боевиков в 1999 году. Он активно защищал права человека, инициировал системную борьбу с похищениями и лично контролировал расследования. Его инициативы в социально-экономической, туристической и культурной сферах являются значимыми, а научная деятельность в области философии управления — бесценной.

Сила Муху Алиева заключалась в сочетании научного подхода, политической гибкости и жесткого прагматизма. Его вклад в сохранение единства Дагестана, создание институтов согласия и стабилизацию региона остаётся базовым для развития республики. Любовь и уважение народа к этому лидеру — объективное признание его роли в истории через служение своей земле и народу.

Окончательный демонтаж «системы национальностей» и переход к централизованной системе управления привели к существенному изменению роли этнического фактора. Согласно исследованию, проведенному Кавказским узлом, к 2018 году представительство лакцев и даргинцев в органах власти сократилось на 15% по сравнению с 2000 годом, в то время как представительство аварцев увеличилось на 12%

Политическое представительство этнических групп в Народном Собрании Республики Дагестан обеспечивалось через специальную систему выборов, которая включала национально-территориальные округа и резервирование мест для представителей малых этносов. Однако с началом работы Москвы по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, с целью унификации правового пространства в стране, дагестанские власти с 2003 года были вынуждены исключить из Конституции республики и местных избирательных законов положения о национальном представительстве в органах власти.

Если обратить внимание на этническое и территориальное представительство в составе республиканского правительства на начало 2016 года, то можно увидеть явные признаки соблюдения национального квотирования. Так, председатель правительства был даргинцем, первые заместители — аварцем и лезгином. Среди других заместителей также присутствовали представители различных национальностей: аварец, кумык, лакец, лезгин, табасаранец и даже кабардинец. Наибольшее количество позиций в правительстве занимали аварцы — 15 из 38. За ними следовали кумыки с одним заместителем председателя и четырьмя министрами. Даргинцы занимали пост председателя правительства, двух министров и руководителя республиканского комитета. В правительстве также были лезгины (4 человека), лакцы (2 человека), один русский, один табасаранец, один азербайджанец, один чеченец и один кабардинец.

Окончательный демонтаж «системы национальностей» и переход к централизованной системе управления привели к существенному изменению роли этнического фактора. Согласно исследованию, проведенному Кавказским узлом, к 2018 году представительство лакцев и даргинцев в органах власти сократилось на 15% по сравнению с 2000 годом, в то время как представительство аварцев увеличилось на 12%.

Произошла трансформация салафизма. По данным Центра этнополитических исследований, около 2000 граждан Дагестана выехали в Сирию и Ирак для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ [12]. Как отмечает исследователь С.А. Маркедонов, «сирийский след» стал важным фактором трансформации салафитского движения в Дагестане [13, с. 34].

3.3. Государственное регулирование религиозной сферы

В 2010-2020-е годы усилилось государственное регулирование религиозной сферы. Принятие Закона «О запрете Wahhabism и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» в 1999 году (с последующими изменениями) создало правовые основы для борьбы с

религиозным экстремизмом. По данным МВД по РД, в 2017-2021 годах было запрещено 98 религиозных организаций по обвинению в экстремизме [14].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Взаимодействие этнического и религиозного факторов в Дагестане прошло сложную эволюцию от доминирования этнического компонента в 1990-е годы через этап конфронтации в 2000-е к современной модели государственного регулирования.

2. Кризис «системы национальностей» в начале 2000-х годов стал переломным моментом, который привел к трансформации всей системы взаимодействия этнического и религиозного факторов.

3. Современная модель характеризуется централизацией управления и усилением государственного контроля над обеими сферами, что обеспечивает стабильность, но порождает новые вызовы и противоречия.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе новых форм взаимодействия этнического и религиозного факторов в условиях цифровизации и глобализации, а также в изучении трансформации идентичностей в дагестанском обществе.

Библиографический список:

1. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане. — М.: Наука, — 2002. — 290 с.
2. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. — М.: Вост. лит., — 2002. — 376 с.
3. *Гасанова Г.Г.* Этнополитические процессы в современном Дагестане. — Махачкала: ДНЦ РАН, — 2008. — 214 с.
4. *Добрынин Д.В.* Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму в РФ. М.: Юрлитинформ, — 2018. — 278 с.
5. Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu> (дата обращения: 08.01.2026).

6. *Кисриев Э.Ф.* Дагестан: этнодемографические и этнополитические проблемы. — М.: ИЭА РАН, — 2017. — 278 с.
7. *Малашенко А.В.* Ислам для России. — М.: РОССПЭН, — 2007. — 318 с.
8. *Малашенко А.В., Старостин А.М.* Северный Кавказ: вызовы и риски. — М.: Московский центр Карнеги, — 2019. — 234 с.
9. *Маркедонов С.А.* Северный Кавказ: риски и вызовы. — М.: РСМД, — 2016. — 156 с.
10. *Омаров М.З.* Ислам в современном Дагестане. — Махачкала: Эпоха, — 2007. — 189 с.
11. Официальный сайт МВД по РД. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 08.01.2026).
12. Официальный портал правовой информации РД. URL: <http://правопорядок.рф> (дата обращения: 08.01.2026).
13. Статистический ежегодник Республики Дагестан. — Махачкала: Дагстат, — 2000. — 345 с.
14. *Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм в Дагестане. — Махачкала: ДНЦ РАН, — 2010. — 168 с.
15. Центр этнополитических исследований. URL: <http://www.centero.ru> (дата обращения: 08.01.2026).
16. *Ярлыкапов А.А.* Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // Социодинамика. — 2012. № 3. — С. 130-153.